

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-351-362>

Научная статья / Research article

Образ Петра I в современном историографическом и общественном дискурсе

Вардан Эрнестович Багдасарян ^a, Сергей Иванович Реснянский ^{a,b}

^a Московский государственный областной университет, Москва, Россия

^b Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

s-r44@yandex.ru

Аннотация: Актуальность темы исследования определяется запросом на переосмысление личности и политической деятельности Петра I с позиций новых методологических подходов в исторической науке. Цель исследования заключалась в реконструкции дискурсивного пространства вокруг фигуры Петра I, проведении классификационного анализа выдвигаемых по отношению к ней научных и историко-публицистических подходов. При проведении исследования методологически авторы опирались на сочетание теории дискурса с традиционными методами историографии. На основании изучения современной научной и публицистической исторической литературы описаны восемь историографических моделей осмысления деятельности Петра I в соотношении с различными методологическими подходами в исторической науке. Авторы на основании полученных результатов делают вывод о начале нового историографического этапа в изучении петровского времени, проявляемого в изменении ключевых дихотомий общественной дискуссии о Петре I. Делается прогноз о смене устоявшихся в обществе подходов к восприятию Петра I, происходящей под влиянием историографического дискурса и актуальных политических трансформаций.

Ключевые слова: Петр I, историография, дискурс, историографическая модель, петровские преобразования, модернизация, европеизация, реформы, Россия, Европа

Для цитирования: Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Образ Петра I в современном историографическом и общественном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 351–362. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-351-362>

Image of Peter I in Modern Historiographical and Public Discourse

Vardan E. Bagdasaryan ^a, Sergey I. Resnianskiy ^{a,b}

^a Moscow Region State University, Moscow, Russia

^b Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

s-r44@yandex.ru

Abstract: The relevance of the subject of the research is determined by the request for rethinking the personality and political activity of Peter the Great from the standpoint of new methodological approaches in the development of historical science. The purpose of the study is to reconstruct the discursive space around the figure of Peter I and to conduct the classification analysis of the scientific and historical-journalistic approaches put forward in relation to it. When conducting the research, the authors relied on the combination of the theory of discourse and traditional methods of historiography. Based on the study of modern scientific and journalistic literature, there were described 8 historiographical models of understanding the activities of Peter I in relation to various methodologies of history. On the basis of

the results obtained, the authors conclude that there has begun a new historiographical stage in the study of Peter the Great's time manifested in the change in the key dichotomies of the public discussion on Peter I. The forecast is made about the shift in the approaches to perceiving Peter I established in society under the influence of historiographical discourse and current political transformations.

Keywords: Peter I, historiography, discourse, historiographical model, Peter the Great's transformations, modernization, Europeanization, reforms, Russia, Europe

For citation: Bagdasaryan, V.E., and Resnianskiy, S.I. "Image of Peter I in Modern Historiographical and Public Discourse." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 3 (August 2022): 351–362. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-351-362>

Введение

Петр I относится к ряду реперных фигур российского исторического нарратива. Его именем определяется соответствующая историческая эпоха – петровская, и сама история России делится на допетровское и послепетровское время. Сравнимое с петровскими реформами рубежное значение занимает в историческом сознании только Октябрьская революция, разделившая российское прошлое на дореволюционный и послереволюционный/советский периоды. От той семантики, которой наделяются реперные фигуры исторического процесса, зависит осмысление общей направленности хода истории. И расхождение во взглядах на Петра, а через него и на все российское прошлое, обнаруживается задолго до дискуссии между славянофилами и западниками. На полюсах общественного восприятия сложились два петровских образа: Петра Великого, полубога – в дворянской репрезентации¹, и антихриста, немца на русском престоле – в старообрядческой рефлексии². В настоящее время Петр I по-прежнему может рассматриваться как фигура, через отношение к которой реконструируются общественно-политические позиции различных общественных групп.

Цель исследования – проведение реконструкции, позволяющей соотнести взгляды на Петра I с общим видением исторического процесса (философией истории) и ценностно-смысловыми ориентирами (идеологией). При этом ставится задача двухуровневого изучения петровского образа – в рамках историографии (историческая наука) и массового общественного восприятия (историческое сознание)³. Сферы исторической науки и исторического сознания не имеют между собой жестких границ, соединяясь в рамках того, что сегодня принято обозначать понятием «исторический дискурс»⁴. Предмет исследования определяет, соответственно, и применяемую методологию, состоящую в сочетании теории дискурса с классическими методами историографии и исторической социологии.

Дополнительным фактором актуализации исследования современного восприятия образа Петра являются исторические параллели особенностей реализации петровской политики с государственным курсом современной России. Петр, которого классифицируют как западника, проводил при этом политику сильной руки внутри страны и имперской геополитики – во вне. Такое сочетание вызывает определенные ассоциации с современным этапом в истории российской государственной политики. Признание успешности петровской политики в XVIII в. означало бы

¹ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. М., 1837–1843.

² Семевский М.И. Самуил Выморков, проповедник явления Антихриста в 1722–1725 гг. // Семевский М.И. Слово и дело. 1700–1725. СПб., 1884. С. 125–184

³ Бровцева Н.Л. Историческое сознание как предмет исторического познания: дис. ... канд. философ. наук. Киров, 2003.

⁴ Гизатова Г.К., Иванова О.Г. Исторический дискурс и национальные нарративы // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманит. науки. 2019. Т. 161. Кн. 5–6. С. 166–173; Линченко А.А. Морально-исторический дискурс как фактор достижения социального согласия // Социодинамика. 2019. № 12. С. 29–39.

в логике этих параллелей и признание соответствующих потенциалов у современной модели российской государственности, и, напротив, отрицание успехов Петра – сомнение в том, что на инициализационной западной платформе они для России в принципе возможны.

Дискуссионные разломы историографического дискурса

Рассмотрение петровского правления в системе аргументаций *pro et contra* стало со временем принципом его исторической презентации. Вместо цельности интерпретаций стал все чаще избираться диалогический подход, раскрывающий амбивалентность как самой фигуры Петра, так и проводимых им реформ. Показательна в этом отношении книга Е.В. Анисимова «Петр Первый: благо или зло для России», исходно построенная как диалог между апологетом и критиком петровской политики. Автор приводит в ней аргументы с позиции обвинителя (обвиняет Петра, прежде всего, исходя из ценностей гуманизма, демократии и экономики рынка), а затем опровергает себя же с позиции, условно определяемой как консервативная (оправдывает Петра, отталкиваясь от приоритетности задач отражения внешних угроз). Условная развилка внутреннего диалога задавалась перенесенным еще в перестроечный СССР дискурсом о феномене тоталитарного общества. В соответствии с ним Петр рассматривался как фигура, задававшая вектор в направлении грядущего тоталитаризма (автократия, полицейское государство, усиление крепостного права). Противники такого взгляда выступали с позиций классического или старого западничества, доказывая прогрессивные последствия петровских деяний. Таким образом, можно констатировать произошедшую смену основной дискуссионной дихотомии западники – славянофилы новым дискуссионным разломом в отношении фигуры Петра⁵.

Но спор между классическим – антипатриархальным (секулярным) и модернизированным – антитоталитарным западничеством не исчерпывал дискуссионного пространства. Наряду с ним могут быть выделены и другие дискуссионные разломы, как, например, дискуссия между патриотами-противниками и патриотами-сторонниками Петра. Первые акцентировали внимание на произошедшем разрыве петровской элиты с национальной традицией, вторые – на петровском имперостроительстве, борьбе с внешними врагами. Их различия в оценках Петра I представляли собой тот случай, когда разногласия цивилизационных противников и геополитических сторонников приводили к расхождению исторических оценок.

Возникли парадоксальные альянсы между последователями линии славянофилов и новых западников в критике петровской политики, проявленные, в частности, в публичных дискуссиях. В свою очередь, патриоты – сторонники империи оказались столь же парадоксально близки в оценке Петра с частью либерального западничества. Переформатирование дискуссионного пространства вокруг петровских реформ позволяет ставить вопрос о присутствии в широком дискурсе новых моделей интерпретаций исторического образа Петра I.

Историографическое моделирование

Модель № 1: «Теория политического реализма»

Наиболее укорененной в современной историографии оценкой деятельности Петра I является ее трактовка в соответствии с теорией политического реализма. Сложившиеся представления можно охарактеризовать как нерелевантный политический реализм, поскольку выдвигаемые оценки даются без соответствующего тео-

⁵ Анисимов Е.В. Петр Первый: благо или зло для России. М., 2019.

ретико-методологического обоснования. Главной ценностью, согласно позиции политического реализма, является ценность государственного суверенитета. Каждое государство ведет с другими борьбу за доминирование, вступает в войны, заключает союзы, преследуя интегральную цель – усиление своего влияния и власти в мире⁶.

Россия ко времени вступления на престол Петра I экономически отставала от стран Европы, имела в сравнении с ними более низкий образовательный потенциал населения, ее управленческая система, с характерной московской волокитой, отличалась низким уровнем функциональности. Реформы были нужны Петру I для того, чтобы эффективно бороться с внешними противниками, другими государствами – напрямую со Швецией и Османской империей, опосредованно – с Британской империей. Главным успехом правления Петра считалась победа в Северной войне и ее следствие – выход к Балтийскому морю. Высокой оценки в свете рассмотрения истории с позиции реал-политик заслуживают также петровские проекты – персидские походы, инициирование колониальной экспедиции на Мадагаскар, исследование возможности прокладки северного морского пути вокруг Евразии. Все они были направлены на подрыв британского могущества и непосредственно создавали угрозу владычеству Великобритании в Индии⁷.

Все реформы были подчинены функционально реформе военной, а военная, в свою очередь, направлена на обеспечение российского государственного могущества⁸. Переход к подушному обложению был нужен для обеспечения финансирования армии и флота, введение Табели о рангах – для военизации гражданской службы, управленческие реформы – для повышения мобилизационных возможностей государства в условиях войны⁹. Даже церковные преобразования рассматривались с точки зрения внешнего соперничества, предполагавшего развитие науки и техники, связываемого в свою очередь с секулярной культурой¹⁰.

Модель № 2: «Теория модернизации»

Реформы Петра I, в соответствии с теорией модернизации, представляли собой вступление России в модернизационную фазу развития. В рамках петровской европеизации произошел перенос на российскую почву институций и культурных элементов европейской жизни¹¹. Россия при Петре прошла путь, на который у европейских стран было затрачено более века. Не имела она и подготовительного этапа модернизации в виде культуры Ренессанса. Россия при Петре совершила скачок из традиционного общества в ранний модерн, тогда как в Европе такой переход шел эволюционно. Задачи форсированной модернизации определили специфику авторитарного стиля петровской революции сверху. Такой стиль не являлся чем-то

⁶ Дробот Г.А. Реализм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 4. С. 182–203; Игнаткин О.Б. Идеи политического реализма в современных международных отношениях // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2013. № 21 (122). С. 74–82.

⁷ Копелев Д.Н. «Мадагаскарский король» и секретная экспедиция Петра Великого 1723–1724 годов // Век Просвещения. Вып. 5: География эпохи Просвещения: между воображением и реальностью. 2015. С. 168–185; Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2019.

⁸ Волкова И.В. Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 35–50.

⁹ Кротов П.А. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996; Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011.

¹⁰ Павленко Н.И. Петр I. М., 2007; Дробина М.Г. Правовое положение русской Православной Церкви в период проведения церковной реформы Петра I: дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2005.

¹¹ Черникова Т.В. Парадоксы петровской европеизации // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 3–22.

специфическим для России и в целом был характерен для стран догоняющего типа развития (второго и третьего эшелона капитализма)¹².

Впрочем, не все исследователи петровских преобразований признают факт петровской модернизационной политики. Существует распространенное мнение о том, что Петр, напротив, усилив крепостнические компоненты, заложил на долгое время препятствия для модернизации России, связываемой в этой версии теории с демократией, свободой личности, рыночной экономикой. Существует также точка зрения о частичной петровской модернизации, ограничиваемой кругом элиты. Несмотря на европеизацию дворянства, большинство российского населения продолжало существовать в парадигме традиционного общества¹³.

Сложилось таким образом три версии в оценке петровской политики с точки зрения теории модернизации. Согласно первой – имела место догоняющая модель авторитарной модернизации, согласно второй – проводился антимодернизационный курс, в соответствии с третьей – была создана эклектичная система, сочетающая модернизационные анклавы с народной культурой домодерна.

Модель № 3: «Историческая колея России»

В последние годы приобрела достаточную популярность метафора «исторической колеи», положенная в основание соответствующей концепции. Согласно ей сделанный когда-то в прошлом выбор пути той или иной страны определяет модель ее будущего развития. Выйти из колеи крайне сложно, и чем глубже колея, тем меньше шансов изменения заданного исторического вектора развития¹⁴.

Существует точка зрения, представленная в том числе в зарубежной историографии о том, что «русская колея» была заложена еще до Петра, на стадии формирования российского централизованного государства. Во время петровского правления она была существенно углублена, что устанавливало инвариантность дальнейшего развития страны¹⁵. Петр I, сообразно с концепцией «исторической колеи», уничтожил потенциал для появления демократических институций и тем самым лишил Россию перспектив альтернативного развития. Проследивалась линия исторической связи между Петром, с одной стороны, Лениным и Сталиным, с другой¹⁶. Приобрела популярность фраза, когда-то использованная Максимилианом Волошиным, о Петре как первом большевике на троне¹⁷.

Модель № 4: «Теория цивилизаций»

Определение президентом В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию 2012 г. России как государства-цивилизации обозначило на уровне властного дискурса запрос на разработку цивилизационной версии российской истории¹⁸. Цивилизационный подход в отличие от модернизационного предполагает выявление

¹² Каменский А.Б. Российская империя в XVIII в.: традиции и модернизация. М., 1999; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. СПб., 2019.

¹³ Анисимов Е.В. Держава и топор: царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 2019; Водарский Я.Е. Петр I // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 59–78; Нефедов С.А. Петр I: блеск и нищета модернизации. Историческая психология и социология истории. 2011. № 1. С. 47–73.

¹⁴ Ильин В.И. Структура исторической колеи России: проблемы методологии // Мир России. № 26 (4). С. 30–50.

¹⁵ Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

¹⁶ Саркисян И.И. Доктрина модернизации: Россия от Петра I до «сталинской революции» // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2014. № 3. С. 169–178.

¹⁷ Евдокимов А. Первый большевик. Почему Петр I виноват в гибели империи и Николая II. URL: <https://life.ru/p/986304> (дата обращения: 28.01.2022).

¹⁸ Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 28.01.2022).

ценностных констант соответствующей цивилизации, которые по своему происхождению связываются с заложенной в ядре цивилизации цивилизационно-образующей религией, в российском случае – с православием¹⁹.

Петр I в версии цивилизационного подхода оказывался одним из основных антигероев в истории России, а петровская европеизация была направлена против ценностей и традиций русской цивилизации²⁰. Особое внимание в контексте цивилизационной теории обращается на церковные реформы Петра и его разрыв с православными социокультурными традициями, а сам император подозревается в симпатиях к протестантизму и в выстраивании новой синодальной системы управления церковью по протестантскому образцу²¹.

Модель № 5: «Теория элит»

В проекции теории элит история развивается в контексте борьбы различных элитаристских, антиэлитаристских и контрэлитаристских группировок в борьбе за власть. Применительно к периоду политического транзита после смерти Федора Алексеевича традиционно внимание акцентируется на противоборстве групп Милославских и Нарышкиных²². Не все, впрочем, исследователи согласны с такой диспозицией борьбы, ими указывается, что ведущую роль в стрелецких мятежах играли совершенно другие персоналии²³.

В качестве альтернативного петровскому сценарию развития России историками зачастую рассматриваются потенциалы властной команды царевны Софьи. Традиционная версия, художественно оформленная Алексеем Толстым о консолидировавшейся вокруг Софьи старомосковской группировке, может быть признана устаревшей. Напротив, получила развитие точка зрения, согласно которой Василием Голицыным подготавливался пакет более широких реформ (включая отмену крепостного права), идущих гораздо дальше петровского реформирования²⁴. Консервативные силы во главе с патриархом Иоакимом в раскладе политической борьбы поддержали именно Петра, связывая с ним, а не с Софьей, приверженность традициям. Высказывается также мнение о двух сталкивающихся версиях западничества: голицынского – шляхетско-католического и петровского – протестантского. Победа петровской версии означала ставку на практическую сторону европеизации. Рецидивы же линии Софьи – Голицына дали о себе знать чуть позже – в создании двора, дворцовой роскоши и расточительстве²⁵.

¹⁹ *Шемякина О.Д.* Цивилизационный подход к истории России как факт историографии и метод познания. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2011.

²⁰ *Гобозов И.А.* Философско-историческое осмысление реформ Петра I и их последствий // *Философия и общество*. 2019. № 2 (91). С. 40–61.

²¹ *Реснянский С.И.* 1) Церковно-государственная реформа Петра I. Протестантская модель или византийское преемство. М., 2009; 2) Синодальный протестантизм Петра I и «Поморские ответы» старообрядцев. Русь-Россия: Выбор веры. История и современность. Сб. материалов VII межрегиональной научно-практической конференции «Духовные основы русской культуры». М., 2011. С. 34–42.

²² История России в современной зарубежной науке / ред. В. М. Шевырин. М., 2010. Часть 1. С. 128–129; *Соколова Е.С.* Самодержавный идеал в надсословных стратегиях Милославских и Нарышкиных: к вопросу о репрезентативной сущности некоторых нормотворческих инициатив конца XVII в. // *Genesis: исторические исследования*. 2017. № 2. С. 55–84.

²³ *Седов П.В.* 1) Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. 2-е изд., испр. СПб., 2008; 2) Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2008; *Hughes L.* *Sophia, Regent of Russia 1657–1704*. New Haven, CT, London, 1991.

²⁴ *Богданов А.П.* Гравюра как источник по истории политической борьбы в России в период регентства Софьи Алексеевны (вопросы происхождения) // *Материалы XV Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»*. Серия «История». Новосибирск, 1977. С. 39–48; *Наумов В.П.* Царевна Софья. М., 2015.

²⁵ *Лавров А.С.* Василий Васильевич Голицын // *Вопросы истории*. 1998. № 5. С. 61–72.; *Седов П.В.* *Опись гардероба боярина князя Василия Васильевича Голицына // Россия XV–XVIII столетий: сбор-*

Очевидной характеристикой петровского правления явилась определенная демократизация элит, включение механизмов социального продвижения по службе. В результате был нанесен удар по прежним позициям родовой аристократии, окончательно стерты границы между боярством и дворянством. На высшие позиции государственной власти оказались подняты представители провинциального дворянства и лица хуторного происхождения²⁶. Массово приглашались на службу европейцы, что позже будет восприниматься в качестве угрозы утраты властью национальной идентичности. В церковной иерархии командные позиции заняли представители малороссийского духовенства²⁷. Посредством системы Табели о рангах был создан механизм преодоления сословных ограничителей элитобразования²⁸.

Модель № 7: «Теория мир-систем»

На основе методологических разработок Ф. Броделя и И. Валлерстайна самостоятельное место в историографии заняла теория мир-систем²⁹. Мир-системный анализ корреспондировал в конкретных разработках с геополитическим, марксистским и цивилизационным подходами. В соответствии с ним, начиная с великих географических открытий, развития капитализма и формирования колониальных империй складывается единая мировая система, в которую встраиваются находившиеся ранее в сравнительно изолированном положении отдельные мир-системы (они же – цивилизации). Такое вхождение представляло собой объективный процесс исторического развития. До Петра Россия развивалась как особая мир-система. Петровская политика с точки зрения мир-системного анализа представляла собой ее вхождение в формируемую мировую систему. Культурные заимствования Петра являлись маркером включения в мировую систему и имели значение, прежде всего, с точки зрения символической политики производимой системной интеграции. Однако внутри единой мир-системы позиции центра, полупериферии и периферии не были еще окончательно распределены. Внешняя политика Петра, которая определялась борьбой за положение России внутри мировой системы, оказалась достаточно успешной³⁰.

Модель № 7: «Интеллектуальная история»

Направление интеллектуальной истории ставит в фокус рассмотрения исторического процесса концепты, которыми руководствуются субъекты стратегического действия. В такой постановке проблемы применительно к петровскому времени центральным оказывается вопрос о том, существовал ли некий концептуаль-

---

ник научных статей. Юбилейное издание (70-летию со дня рождения профессора Р. Г. Скрынникова посвящается). Волгоград, 2001. С. 267–282.

²⁶ Павленко Н.И., Дроздова О.Ю., Колкина И.Н. Соратники Петра. М., 2001.

²⁷ Фефелова О.А. «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь» К.В. Харламповича и история Русской православной церкви в Сибири в XVIII веке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 11 (113). С. 69–73.

²⁸ Потапов А.Ф. Табель о рангах Петра I в истории России // Историч., философ., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1–2. С. 153–157.

²⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. М., 2007. Т. 3; Валлерстайн И. Мир-системный анализ // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций. Новосибирск, 1998. Вып. 1. С. 105–123; Фурсов А.И. Школа мир-системного анализа (основные положения концепции И. Валлерстайна) // Восток. 1992. № 1. С. 19–38.

³⁰ Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–42; Дерлугьян Г. Эволюция Российского государства в мир-системной перспективе, 1000–2010 гг. н.э. // Русские чтения. Вып. 1. М., 2006. С. 38–57; Казарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М., 2009; Хакимов Г.А. Российская модернизация в свете мир-системных концепций // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3. С. 57–63.

ный замысел в деятельности Петра I. Положительный ответ на него сталкивается с идущей от П.Н. Милокова и сохраняющей достаточно широкое распространение позицией о «реформах без реформатора», ситуативном реагировании царя на актуальные вызовы, без целевого видения осуществляемых преобразований. Контекст развития европейской мысли в соотнесении с политикой Петра I позволяет предположить факт влияния на него идей меркантилизма, камерализма, теории общего блага, всеобщности рациональной государственной регламентации³¹.

Другой стороной реконструкции воззрений Петра является предположение о его симпатиях реформационной (протестантской) церкви³². Обращается внимание на то, что заимствования в его политике реформ шли преимущественно не из католической Европы, а из стран протестантского культурного ареала. Ведется полемика о церковной реформе Петра, в рамках которой дискутируется вопрос о том, было ли новое синодальное устройство канонично для православной традиции³³ или оно явилось результатом заимствования протестантской модели организации религиозной жизни³⁴. В приверженности протестантизму подозревается ведущий апологет петровской церковной реформы Феофан Прокопович, тогда как местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский – в близости к католикам³⁵. Впрочем, изгнание в 1719 г. из России Ордена иезуитов, деятельность которого получила распространение в период регентства Софьи, явно указывает на антикатолические взгляды Петра³⁶. В кошунствах Всешутейшего собора видится отдельными исследователями не антирелигиозное действо, а конкретная пародия на папство³⁷.

Третьей версией в отношении замысла Петра, наряду с версиями о влиянии на реформы европейских общественных наук и протестантской религиозности, является предположение о развитии им национальной идеологической рефлексии. В Московской Руси получило распространение положение, что «четвертому Риму» не бывать. На нем выстраивались, в частности, позиции старообрядческой оппозиционности. Ответом на кризис хилиастических воззрений Московской Руси явился петровский тезис о принципиальной возможности модернизации христианского царства. Петербург в этом понимании мыслился как «четвертый Рим» – столица обновленной Римской империи. Позиционирование Петра как «нового Константина» соотносится также с версией о замысле христианского империостроительства.

Модель № 8: «История повседневности»

История повседневности в противоположность макроисторическим обобщениям сфокусирована на микроисторических аспектах человеческого существования. Несмотря на преднамеренный уход от метанарратива, она на уровне бытия отдельного человека, семей или локалитетов позволяет выявить, прежде всего, социо-

³¹ *Неруцкова О.Е.* Отечественная историография государственно-правовых отношений в России XVIII века.: дис. ... канд. истор. наук. М., 2003.

³² *Острецов В.М.* Масонство, культура и русская история. Историко-политические очерки. М., 1998. С. 28–85.

³³ *Бабкин М.А.* Церковные полномочия православных императоров Византии и России // Вестник архивиста. М., 2013. № 4. С. 130–139.

³⁴ *Михаил (Чепель)*, иеромонах. Некоторые аспекты влияния церковной реформы Петра I на жизнь российского общества. URL: <https://pravoslavie.ru/77634.html> (дата доступа: 28.02.2022).

³⁵ *Тихомиров Ф.А.* Идея абсолютизма Бога и протестантский схоластицизм в богословии Феофана Прокоповича // Христианское чтение. 1884. № 9–10. С. 315–326; *Корзо М.А.* О протестантских влияниях действительных и мнимых: православные катехизисы от Стефана Зизания до Феофана Прокоповича // Вивлююника: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2017. Vol. 5. С. 5–17.

³⁶ *Андреев А.Р.* История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи. XVI – начало XIX века. М., 1998.

³⁷ *Бердников Л.И.* Всешутейший собор. Смеховая культура царской России. М., 2019.

культурные трансформации. Их изучение стало предметом разработок по отношению к разным периодам истории России. Не стала исключением и эпоха петровского правления.

Проводимые в рамках данного подхода исследования демонстрировали прежде всего появление нового типа личности – человека секулярного. Петровский этап секуляризации оказывался преемственен тенденциям обмирщения сознания и бытия человека в XVII столетии. Однако при Петре скорость соответствующих процессов существенно возросла. При этом важна подтверждаемая и в рамках других моделей констатация того, что формирование человека секулярной культуры ограничивалось нишей дворянского сословия и не затрагивало народ³⁸.

Выводы

Безусловно, описываемые походы к осмыслению исторического значения фигуры Петра I не представляют собой «чистые модели». Часто в трудах историков они сочетаются друг с другом либо используются их отдельные элементы, что нередко приводит к внутренним противоречиям в предлагаемых интерпретациях. Но сами «чистые модели» могут использоваться в качестве лоции по петровской историографии.

Проведенный анализ позволяет зафиксировать переход к новому историографическому этапу осмысления личности и политики Петра I. Прежнее пространство дискурса оказалось трансформировано в результате смены ключевых дихотомий. Сложившиеся «чистые модели» осмысления петровских трансформаций должны вероятно в перспективе привести к изменениям восприятия Петра I в рамках исторического сознания российского социума.

Изменения исторического сознания происходят с определенной задержкой по отношению к сменам историографических и шире – дискурсивных парадигм. В настоящее время как на уровне властных представлений, преломляемых в государственной исторической политике, так и массового общественного мнения, доминирует взгляд на Петра I как гениального преобразователя, выведшего Россию в число передовых держав мира, а также как блестящего полководца. Такое представление является синтезом семантик прежней советской интерпретации (романа А.Н. Толстого и фильма В.М. Петрова с одноименным названием «Петр Первый») и теории модернизации (образ Петра в качестве предтечи всех последующих российских реформаторов). Но смена векторов развития России на современном этапе предположительно актуализирует запрос на новое переосмысление петровской эпохи в соответствии с трансформирующейся системой ценностей и идей российского общества.

Имея в виду палитру исторического дискурса, смена оценок деятельности Петра I не исключена и в логике превращения героя в антигероя. Но доминанция той или иной системы оценок будет определяться совокупностью факторов, включая государственную историческую политику, общественные запросы на ассоциативные образы прошлого и актуальные вызовы.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.02.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.04.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 05.06.2022

---

³⁸ Седов П.В. 1) «В соборе и у владыки был в венгерском платье» (перемены в одежде новгородцев в конце XVII – начале XVIII в.) // Новгородика-2012. У истоков российской государственности. Материалы IV международной научной конференции. Великий Новгород, 2013. Ч. 1. С. 285–293; 2) Перемены в одежде правящих верхов России в конце XVII в. // Место России в Евразии. Будапешт, 2001. С. 172–181.

References

- Andreyev, A.R. *Istoriia ordena iezuitov. Iezuity v Rossiiskoi imperii. XVI – nachalo XIX veka*. Moscow: Russkaia panorama Publ., 1998 (in Russian).
- Anisimov, Ye.A. *Petr Pervyi: blago ili zlo dlia Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019 (in Russian).
- Anisimov, Ye.V. *Derzhava i topor: tsarskaia vlast', politicheskii sysk i russkoe obshchestvo v XVIII veke*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019 (in Russian).
- Babkin, M.A. “Church Authorities of Russian and Byzantium Orthodox Emperors.” *Vestnik Arkhivista – Herald of an Archivist*, no. 4 (2013): 130–139 (in Russian).
- Berdnikov, L.I. *Vseshuteyshii sobor. Smekhovaia kul'tura tsarskoi Rossii*. Moscow: AST Publ., 2019 (in Russian).
- Bogdanov, A.P. “Gravyura kak istochnik po istorii politicheskoi bor'by v Rossii v period regentstva Sof'i Alekseevny (voprosy proiskhozhdeniia).” In *Materialy XV Vsesoyuznoi nauchnoi studentcheskoi konferentsii «Student i nauchno-tekhnicheskii progress». Serii «Istoriia»*, 39–48. Novosibirsk: [S.n.], 1977 (in Russian).
- Brodell, F. *Vremia mira*. Vol. 3 of *Material'naia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv*. Moscow: Ves' mir Publ., 2007 (in Russian).
- Brovtsseva, N.L. “Istoricheskoe soznanie kak predmet istoricheskogo poznaniia.” PhD diss., Vyatka State University, 2003 (in Russian).
- Chernikova, T.V. “Paradoxes of Europeanization by Peter the Great.” *Novaya i Novejshaya Istoriya*, no. 5 (2018): 3–22 (in Russian).
- Derlug'yan, G. “Evolutsiia Rossiiskogo gosudarstva v mirosistemnoi perspektive, 1000–2010 gg. n.e.” In *Russkie chteniia*. Issue 1, 38–57. Moscow: Institut obshchestvennogo proektirovaniia Publ., 2006 (in Russian).
- Drobina, M.G. “Pravovoe polozhenie russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v period provedeniia tserkovnoi reformy Petra I.” PhD diss., Kuban State Agrarian University, 2005.
- Drobot, G.A. “Realizm v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: istoriia, zarubezhnaia i otechestvennaia shkoly.” *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, no. 4 (2014): 182–203 (in Russian).
- Evdokimov, A. “Pervyi bol'shevik. Pochemu Potr I vinovat v gibeli imperii i Nikolaya II.” *Life*, Accessed January 28, 2022 <https://life.ru/p/986304> (in Russian).
- Fefelova, O.A. “‘Malorossiiskoe vliianie na velikoruskuyu tserkovnuyu zhizn' K.V. Kharlampovicha i istoriia Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Sibiri v XVIII veke.’” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 11 (2011): 69–73 (in Russian).
- Fursov, A.I. “Shkola mir-sistemnogo analiza (osnovnye polozheniia kontseptsii I. Vallerstaina).” *Vostok*, no. 1 (1992): 19–38 (in Russian).
- Gizatova, G.K., and Ivanova, O.G. “Istoricheskii diskurs i natsional'nye narrativy.” In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanit. Nauki* 161, bk. 5–6 (2019): 166–173 (in Russian).
- Gobozov, I.A. “Filosofsko-istoricheskoe osmyslenie reform Petra I i ikh posledstviu.” *Filosofii i obshchestvo*, no. 2 (2019): 40–61 (in Russian).
- Golikov, I.I. *Deianiya Petra Velikogo, mudrogo preobrazitelia Rossii*, 15 vols. Moscow: Tip. Nikolaya Stepanova Press, 1837–1843 (in Russian).
- Hughes, L. *Sophia, Regent of Russia 1657–1704*. New Haven; London: Yale University Press, 1991.
- Ignatkin, O.B. “Idei politicheskogo realizma v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniakh.” *Vestnik RGGU. Ser.: Politologiya. Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*, no. 21 (2013): 74–82 (in Russian).
- Il'in, V.I. “Struktura istoricheskoi kolei Rossii: problemy metodologii.” *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* 26, no. 4 (2017): 30–50 (in Russian).
- Kagarlitskiy, B.Yu. *Periferiinaia imperiia: tsikly russkoi istorii*. Moscow: Algoritm Publ., 2009 (in Russian).
- Kamenskiy, A.B. *Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII v. Opyt tselostnogo analiza*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2019 (in Russian).
- Kamenskiy, A.B. *Rossiyskaia imperiia v XVIII v.: traditsii i modernizatsiia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999 (in Russian).
- Khakimov, G.A. “Rossiiskaia modernizatsiia v svete mir-sistemnykh kontseptsii.” *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3 (2009): 57–63 (in Russian).
- Kopelev, D.N. “‘Madagaskarskii korol' i sekretnaia ekspeditsiia Petra Velikogo 1723–1724 godov.’” In *Vek Prosveshcheniia*, no. 5 (2015): 168–185 (in Russian).

- Korzo, M.A. "O protestantskikh vlianiyakh deistvitel'nykh i mnimyykh: pravoslavnye katekhizisy ot Stefana Zizaniia do Feofana Prokopovicha." *Vivlioeka: E-Journal of Eighteenth Century Russian Studies*, no. 5 (2017): 5–17.
- Krotov, P.A. *Gangutskaia bataliia 1714 goda*. St. Petersburg: Liki Rossii Publ., 1996 (in Russian).
- Krotov, P.A. *Osudareva doroga 1702 goda: Prolog osnovaniia Sankt-Peterburga*. St. Petersburg: Istoricheskaia illyustratsiia Publ., 2011 (in Russian).
- Kuruin, I.V. *Persidskii pokhod Petra Velikogo. Nizovoi korpus na beregakh Kaspiia (1722–1735)*. Moscow: Kvadriga Publ., 2019 (in Russian).
- Lavrov, A.S. "Vasilii Vasil'evich Golitsyn." *Voprosy Istorii*, no. 5 (1998): 61–72 (in Russian).
- Linchenko, A.A. "Moral'no-istoricheskii diskurs kak faktor dostizheniia sotsial'nogo soglasiya." *Sotsiodinamika*, no. 12 (2019): 29–39 (in Russian).
- Naumov, V.P. *Tsarevna Sofia*. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 2015 (in Russian).
- Nefedov, S.A. "Petr I: blesk i nishcheta modernizatsii." *Istoricheskaia psikhologiya i sotsiologiya istorii*, no. 1 (2011): 47–73 (in Russian).
- Nerutskova, O.Ye. "Otechestvennaia istoriografiia gosudarstvenno-pravovykh otnoshenii v Rossii XVIII veka." PhD diss., RUDN University, 2003 (in Russian).
- Ostretsov, V.M. *Masonstvo, kul'tura i russkaia istoriia. Istoriko-politicheskie ocherki*. Moscow: Shtrikhton Publ., 1998 (in Russian).
- Pavlenko, N.I. *Petr I*. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 2007 (in Russian).
- Pavlenko, N.I., Drozdova, O.Yu., and Kolkina, I. N. *Soratzniki Petra*. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 2001 (in Russian).
- Payps, R. *Rossia pri starom rezhime*. Moscow: Nezavistmaia gazeta Publ., 1993 (in Russian).
- Potashev, A.F. "Tabel' o rangakh Petra I v istorii Rossii." *Istorich., filosof., polit. i yurid. nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1-2 (2012): 153–157 (in Russian).
- Resnyanskiy, S.I. "Sinodal'nyy protestantizm Petra I i «Pomorskie otvety» staroobryadtsev." In *Rus'-Rossia: Vybor very. Istoriia i sovremennost'. Sb. materialov VII mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Dukhovnye osnovy russkoi kul'tury*, 34–42. Moscow: Nauka i Slovo Publ., 2011 (in Russian).
- Resnyanskiy, S.I. *Tserkovno-gosudarstvennaia reforma Petra I. Protestantaskaia model' ili vizantiyskoe preemstvo*. Moscow: YUNITI-DANA Publ., 2009 (in Russian).
- Sarkis'yan, I.I. "Doktrina modernizatsii: Rossiya ot Petra I do 'stalinskoy revolyutsii'." *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sotsiologiya i politologiya*, no. 3 (2014): 169–178 (in Russian).
- Sedov, P. V. *Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskii dvor kontsa XVII veka*. St. Petersburg: Dmitriy Bulavin Publ., 2008 (in Russian).
- Sedov, P.V. " 'V sobore i u vladyki byl v vengerskom plat'e' (peremeny v odezhde novgorodtsev v kontse XVII – nachale XVIII v.)." In *Novgorodika-2012. U istokov rossiiskoi gosudarstvennosti. Materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Part 1, 285–293. Novgorod: Velikiy Novgorod Publ., 2013 (in Russian).
- Sedov, P.V. "Opis' garderoba boiarina kniazya Vasiliia Vasil'evicha Golitsyna." In *Rossiya XV–XVIII stoletiy: Sbornik nauchnykh statei. Yubileynoye izdanie (70-letiyu so dnia rozhdeniia professora R.G. Skrynnikova posviashchaetsia)*, 267–282. Volgograd: VolGU Press, 2001 (in Russian).
- Sedov, P.V. "Peremeny v odezhde praviashchikh verkhov Rossii v kontse XVII v." In *Mesto Rossii v Evrazii*, 172–181. Budapesht: [S.n.], 2001 (in Russian).
- Semevskiy, M.I. "Samuil Vymorkov, propovednik iavleniia Antikhrista v 1722–1725 gg." In *Slovo i delo. 1700–1725*, 125–184. St. Petersburg: [S.n.], 1884 (in Russian).
- Shemyakina, O.D. "Tsvivilizatsionnyi podkhod k istorii Rossii kak fakt istoriografii i metod poznaniia." PhD diss., Lomonosov Moscow State University, 2011 (in Russian).
- Shevyrin, V.M., ed. *Istoriia Rossii v sovremennoi zarubezhnoi nauke*. Moscow: INION Publ., 2010 (in Russian).
- Sokolova, Ye.S. "Samsoderzhavnyi ideal v nadsoslovnykh strategiakh Miloslavskikh i Naryshkinykh: k voprosu o reprezentativnoi sushchnosti nekotorykh normotvorcheskikh initsiativ kontsa XVII v." *Genesis: istoricheskie issledovaniia*, no. 2 (2017): 55–84 (in Russian).
- Tikhomirov, F.A. "Ideia absolyutizma Boga i protestantskii skholastitsizm v bogoslovii Feofana Prokopovicha." In *Khristianskoe chtenie*, no. 9-10 (1884): 315–326 (in Russian).
- Vallerstayn, I. "Miro-sistemnyi analiz." *Vremia mira. Al'manakh sovremennykh issledovaniy po teoreticheskoi istorii, makrosotsiologii, geopolitike, analizu mirovykh sistem i tsvivilizatsii*, no. 1 (1998): 105–123 (in Russian).

- Vallerstayn, I. “Rossiia i kapitalisticheskaia mir-ekonomika.” *Svobodnaia mysl'*, no. 5 (1996): 30–42 (in Russian).
- Vodarskiy, Ya. Ye. “Petr I.” *Voprosy Istorii*, no. 6 (1993): 59–78 (in Russian).
- Volkova, I.V. “Voенное stroitel'stvo Petra I i peremeny v sisteme sotsial'nykh otnoshenii v Rossii.” *Voprosy Istorii*, no. 3 (2006): 35–50 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Вардан Эрнестович Багдасарян, д-р истор. наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет; 105005, Россия, Москва, ул. Радио, д. 10А; vardanb@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4895-5108>

Vardan E. Bagdasaryan, Dr. habil. hist., Professor, Dean of History, Political Science and Law Faculty, Head of the Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University; 10A, Radio St., Moscow, 105005, Russia; vardanb@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4895-5108>

Сергей Иванович Реснянский, д-р истор. наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет; 105005, Россия, Москва, ул. Радио, д. 10А; профессор кафедры истории России, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; s-r44@yandex.ru

Sergey I. Resnianskiy, Dr. habil. hist., Professor of the Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University, 10A, Radio St., Moscow, 105005, Russia; Professor of the Russian History Department, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia; s-r44@yandex.ru